

особливу увагу духовно-сакральним смислам, виявляючи особливу природу мовної картини світу, її сутність, що полягає в різноманітті лексичних одиниць.

Ключові слова: соборність, єднання, свобода, духовно-сакральні смисли, картина світу.

В статье анализируются история и этимология слова *соборность*. Автор уделяет особое внимание духовно-сакральным смыслам, выявляя особую природу языковой картины мира, её сущность, заключающуюся в многообразии лексических единиц.

Ключевые слова: соборность, единение, свобода, духовно-сакральные смыслы, картина мира.

In article the history and word etymology *sobomost* are analyzed. An author spares the special attention spiritual-sakral senses, exposing the special nature of linguistic picture of the world, its essence, consisting in the variety of lexical units.

Keywords: sobomost, a unification, freedom, spiritual-sakral senses, world picture.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.161.1

Н. А. Лантух

КОНЦЕПТЫ ДОБРО И ДОМ В СЛОВАРЕ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

Описание ценностно значимых концептов национальных языков – глобальная задача современной лингвистики и смежных с нею наук. Пристальное внимание исследователей направлено на изучение ядра языкового сознания народа, куда входят ограниченное количество доминантных единиц, которые представляют особый интерес для изучения образа мира данного народа.

В данной статье ставится задача описания концептов *добро* и *дом* в Словаре В. И. Даля, которые, по нашему мнению, являются доминантами русского ментального пространства. О значимости данных понятий в системе русских ценностей писали многие русские философы и писатели, исследователи языка и культуры. Но, как правило, эта проблема затрагивалась вскользь, в связи с решением других проблем, или исследовалась в системе иных научных парадигм. Ранее нами также предпринимались попытки описания одноимённых фрагментов русской языковой картины мира [1; 2]. Необходимость более подробного описания концептов *добро* и *дом* на материале Словаря Даля связана с их высоким статусом в русском языковом сознании, в русской культуре в целом.

Рассматривая разные этапы развития русской цивилизации, можно обнаружить наличие этнокультурной константы, неизменно главенствующей в разные эпохи в русском ментальном пространстве, – категории «Добро».

Исследователями отмечается нравственный характер верований дохристианской Руси, главное содержание которых – культ добра и культ предков. И это нравственное

ядро прежних верований, а именно мысль о приоритете добра в жизни, о неизбежности победы добра в борьбе со злом, – органически слилось с христианством, ибо во многом было созвучно ему. Крещение Руси соединило две родственные парадигмы ценностей, два близких по духу мироощущения. «На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро» [3, с. 23]. О. А. Платонов считает, что жизнеутверждающий оптимизм русских в победу добра усилил нравственные начала православия, придав ему более конкретный характер практического добротолубия [Там же].

И эта глубокая вера в торжество добра, правды, справедливости, являясь ключевым, архетипическим компонентом древнерусской цивилизации [4, с. 125], закрепились в русском национальном сознании, став его этнокультурной доминантой.

Являясь важнейшей национальной категорией русского духовного пространства, понятие «добро» имеет в русском языке богатое вербальное выражение: добро, доброта, добродетель, добродушие, доброжелатель, добронравие, добросердечие, добросовестность, добрососедство, добряк, сердечность, сердоболие, мягкосердечие, благожелательность и др.

Лексема добро в словаре В. И. Даля получает конкретное и разностороннее толкование в контексте множества фразеологизмов и пословиц: Добро – вещественно, всё доброе, имущество или достаток, стяжание, добришко, особ, подвижность. / В духовном значении: благо, что честно и полезно, всё, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу [5]. Как видим, добро неизбежно противопоставляется худу и злу, определяется с помощью антагонистических понятий.

К сожалению, устарели или вовсе вышли из употребления многие добрые, позитивно окрашенные русские слова, отмеченные в словаре В. И. Даля. Так, например: Добросовестие – добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках. Добросоветие – разумные, добрые советы. Доброумый, доброумный, доброум, доброумка – кто не пускается в дурную жизнь, в безрассудные предприятия, а живёт скромно и разумно, добрый и рассудительный человек. Добровать – жить в добре, в обилии, покое, холе и довольстве. Добруй, поколе добруется. Добрословить – говорить о ком-то добро, хвалить, противоп. злословить. Добродетельство – деланье добра, благотворение, добротворство. Добродетельствовать – делать добро, благотворить, благодетельствовать. Добродеяние – добродетельная жизнь и дела; благотворение, благодеяние. Добродействие – доброжелательство, покровительство. Добродеять – делать добро: он мне добродееет, доброжелательствует, покровительствует, благодетельствует. Добродей м., добродейка ж. – добродетельный человек, по добру живущий [5].

И таких слов десятки. Можно только предположить, что утратил русский народ с исчезновением этих энергетически и духовно ёмких исконных русских слов. Утешает то, что слов с подобным смысловым содержанием остаётся в нашем языке ещё очень много.

Семантический компонент «добро» – «доброта» входит в смысловую структуру многих русских понятий. Д. С. Лихачёв, говоря о слове «мудрость», отмечал: «Мудрость – это ум, соединённый с добротой. Ум без доброты – хитрость... Мудрость... надёжна и открыта. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье,

приносит счастье надёжное, долголетнее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости» [6, с. 13]. Сращивание понятий «красота», «добро» и «мудрость» в слове «благолепие» как выражение русского мирозерцания С. Булгаков определил как «видение умной красоты духовного мира» [7, с. 397]. Понятия «добро», «правда», «истина» необходимы для передачи значения русской лексемы *совесть*.

Совесть – нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; природжённая правда, в различной степени развития [5]. В самом толковании слова «совесть», представленном в Словаре В. И. Даля, содержатся нравственные императивы: «внутреннее сознание добра», «чувство, побуждающее к истине и добру», «любовь к добру и истине», «природжённая правда». Как видим, в русских представлениях о совести *Добро* является важнейшей категорией, вмещающей в себя и внутреннее осознание добра, и побуждение к добру. Жить по совести – главное нравственное требование русского человека к себе и другим, критерий ценности личности.

Как и всякое абстрактное имя, заключающее в себе метафизическое понятие, слово *Добро* относится к мифологемам – продуктам воображения, ассоциативным по своей природе. Ассоциативный образ имени *Добро* проявляется в несвободной сочетаемости этого слова в составе различных фразеологических единиц. Теме добра посвящены сотни пословиц и поговорок, в которых раскрываются русские представления о добре, его связи с другими ценностно значимыми понятиями, выражены нравственные императивы.

Добрый человек в добре проживёт век. Добро не лихо: бродит в мире тихо. В ком добра нет, в том и правды мало. Доброта без разума пуста. Не ищи красоты, ищи доброты. Добро не умрёт, а зло пропадёт. Добрые умирают, да дела их не пропадают. Кто добро творит, того зло не вредит. Тьма свету не любит – злой доброго не терпит. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Добрым путём Бог правит. Доброму Бог помогает. Кто добро творит, тому Бог оплатит [5].

Добро по миру не рекой течёт, а семьёй живёт. Добро помни, а зло забывай. Доброе братство лучше богатства. Доброе дело говорится смело. Доброе дело два века живёт. Доброе дело питает и разум и тело. Доброе дело само себя хвалит. Добрый человек придёт, словно свет принесёт [8].

Анализ фразеологической парадигмы слова «добро» выявил характерные черты русского концепта *добро*, устойчивые национальные ассоциации и образы, связанные с представлением о добре. В русских пословицах запечатлён самобытный образ русского Добра, которое немислимо без представлений о Боге - «Вера в Бога как в Добро и путь к Богу через Добро принизывают русское национальное сознание» [3, с. 27]; проникнут оптимистической верой в его неуничтожимое вечное бытие. Русское Добро – это вневременная сущность, земная ипостась Бога, воплощение правды и справедливости, защита от зла, гарант физического и нравственного здоровья. Добро выше красоты и богатства. Русское Добро тихое, скромное, сострадательное, жертвенное, разумное, благодарное, светоносное. Оно рождается в семье и начинается с малых дел. В пословицах отражается деятельный характер русского Добра, оно утверждается как высшая нравственная ценность и смысл жизни, неразрывно связано с понятиями «правда», «скромность», «милосердие», «сострадание», «жалость».

На сострадательный, активный, деятельный, альтруистский характер русской доброты указывает и В. В. Розанов, отделяя её от бесстрастной добродетели. «Доброта болеет. Доброта делает. Доброта не оглядывается. Доброта не ищет «себя» и «своего» в поступке: она видит внутри поступка своего только лицо того, кому нужен поступок. Доброта не творит милостыни, доброта творит братское дело. Мы все братья, и богатые, и нищие, и знатные, и простые. Ибо завтра богатый может потерять богатство и знатный очутиться в тюрьме» [9, с. 420].

Жалость – одна из наиболее ценностно значимых реалий русского мира одно из воплощений добра. С жалости начинается доброта, а часто и любовь русского человека. Жалость – первый импульс к осуществлению добра, форма универсальной любви к миру, ко всему живому. *Жаль, жалость, жалоба – состраданье, соболезнованье, сочувство при чужой беде; печаль, грусть, скорбь, сокрушение* [5]. В русских деревнях вместо *люблю* говорят *жалюю, жалко (кого)*. По мнению Ю. С. Степанова *жалеть* – глагол того же спряжения, что древнерусский *любѣти*, но передаёт не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе: *жалеть* от того же корня, что *жалить* [10, с. 281].

В Словаре В. И. Даля приводится слово жалить в значении жалеть с пометой «старое»: жалить на что, по чём (стар.), жалковать кого, по ком (тамб.) – жалеть кого, о ком; скорбеть, сожалеть, болеть сердцем, сокрушаться о чём, печалиться / щадить, беречь, не давать в обиду; расходовать скупно / жалить кого (пск.) – приводить в жалость, или разжалобить [5].

В пословицах и многочисленных фразеологизмах закреплён национальный стереотип поведения русских, сострадательное отношение к людям: Не жалей того, кто скачет: жалей того, кто плачет. Человек жалюю живёт. Встретил с радостью, а проводил с жалостью. Ради милого и себя не жаль. Жаль берёт, жалость одолевает, не предавайся жали, быть в жали [Там же].

Русская жалость не унижает того, на кого она направлена, это живое, тёплое чувство сострадания и любви. Д. С. Лихачёв писал: «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, Вселенной» [6, с. 23].

Жалость, как и активная излучающая доброта, является одной из высших ценностей русского народа. Н. А. Бердяев, говоря о человечности, отмечал, что человеческий человек есть человек любящий и жалеющий и что в этом мире нет начала выше жалости. Он также считал, что основным различием между людьми «хорошими» и людьми «дурными» является различие между людьми любящими и жалеющими и нелюбящими и нежалеющими. Бердяев призывал: «Будьте человеческими, будьте жалостливыми и любящими, и тогда раскроется путь к бессмертию» [11, с. 133 – 134].

Содержание категорий «добро», «доброта», отношение к ним, их статус в системе национальных ценностей является той границей, которая отделяет русскую цивилизацию от западной. Иван Ильин, много лет проживший на Западе, писал, что «средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждёт от человека прежде всего доброты, совести и искренности» [Цит. по: 3, с. 46].

Русское понимание добра не лежит в плоскости холодного рационализма, рассудочного практицизма, не зависит от свойств ума «Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата», «...истинно добрый поступок не может быть глуп, он вне оценок

с точки зрения ума или не ума Тем добро и хорошо» [6, с. 23 – 24].

Добро самоценно. Стремление к нему было и остаётся высшей целью бытия, доброта – важнейшей нравственной категорией и главной ценностью русских людей. В «Письмах о добром и прекрасном», адресованных молодёжи, Д. С. Лихачёв так сформулировал смысл жизни человека самая большая цель в жизни - увеличивать добро в окружающем нас мире [Там же, с. 12].

Исследуя психологические аспекты роста самосознания русских, О. В. Чернова указывает, что в автостереотипах и сельских, и городских русских первые позиции занимает такое качество, как доброта [Цит. по: 12, с. 144]. Исследование П. В. Валынкиным автостереотипов русских, проживающих в Саратовской области, также показало, что наиболее часто приписываемое во всех возрастных группах качество русских – «добрые» [Цит. по: 12, с. 144]. По данным опроса, проведённого З. В. Сикевич среди петербуржцев, автостереотип русского открывается главным качеством русского человека, и этим качеством по-прежнему является доброта и её проявления в отношении к другим – доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание (примерно треть всех ответов) [Цит. по : 12, с. 147]. Русское языковое сознание направлено и на себя, и на другого, в котором оно видит прежде всего друга, хорошего человека, значит, *доброго*. Сознание русских – это сознание «другоцентрическое». Русские живут как бы по оси **Я – ОН** и во внутреннем пространстве. Русский – это скорее человек *думающий/говорящий* и всё *оценивающий* [13, с. 160]. И оценка всего осуществляется по шкале *добро – зло*. Между этими антагонистическими абсолютами проходит жизнь человека, к одному из них – к *добр*у – должны быть направлены устремления личности. Человек должен быть добрым – таково миропонимание русских во все времена.

Таким же национально значимым концептом в русской парадигме ценностей является концепт *дом*.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля – это не просто собрание слов и их толкований, это энциклопедия русской народной жизни, русского быта, глубоко национальных по духу воззрений русских людей XIX века, и в этой национальной картине мира красочно представлен концепт *дом*.

Как отмечает Т. В. Цивьян, в словаре модели мира *дом* представляет собой одну из основополагающих семантем, и ее содержание отражает весьма сложные отношения в системе «мир – человек», поскольку дом прежде всего промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира. С одной стороны, дом – принадлежность человека, олицетворение его вещного мира, с другой – дом связывает человека с внешним миром, «являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [14, с. 68].

Представляя собой самостоятельное замкнутое пространство, ограниченное от внешнего мира и контролируемое человеком, дом противостоит открытости, неограниченности, неопределенности и хаосу чуждого пространства и является средством защиты от его опасностей для человека. В мире человека дом – это точка отсчета, центр мыслимого им пространства. Осваивая мир, человек движется от некой изначальной точки в пространстве, где он родился и вырос, где начинается его жизненный путь, – от своего дома, который в фольклорной традиции есть воплощение внутреннего, своего, родного, исходного и которому противостоит огромный чуждый и опасный мир.

В традиционной картине мира дом являет собой особую систему, в которой совмещаются представления о *внутреннем/внешнем, своем/чужом* и части которой выполняют функции границ не только с миром реальным, видимым, но и с миром невидимым, миром мертвых. К таким границам относятся: порог, дверь, окно, углы, подпол, чердак, печь, печная труба. Эти элементы дома выполняют одну из важнейших функций человеческого жилища – обеспечивают вход/выход и укрытие от внешнего мира, визуальную и сакральную связь с окружающим миром. Если окна, дверь, порог – элементы дома, «открывающие» его, то стены, крыша, углы «закрывают», скрепляют его как в физическом, так и в мистическом смысле.

В основе народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. Словарь Даля подтверждает это значение: «*Дом – родной кров; разумеется, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами*». Дом – это благо, реализация добра, поскольку у Даля «*Добро – вещественно, всё доброе, имущество или достаток, стяжание, добришко, особ, движимость*». Категория добра входит в характеристику дома: «*Доброжилая изба – не ветхая, удобная для житья*» [5].

Высокий статус дома в системе русских ценностей иллюстрируется пословицами из словаря В. И. Даля: «Дом вести – не лапти плести», «Дома и солома съедома», «Худу быть, кто не умеет домом жить», «Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить», «В гостях хорошо, а дома лучше» [Там же].

В семантической структуре дома одним из важнейших элементов является *дверь*, которая служит средством регламентированной связи с внешним миром, обеспечивает замкнутость жилищного пространства и безопасность находящихся внутри. В фольклорном мире закрытую изнутри дверь невозможно открыть снаружи [14, с. 69]. Читаем у Владимира Даля: «*Не всякому верь, запирай крепче дверь!*» [5].

Дверь, укрепленная берегами, нарисованным крестом, как правило, является непреодолимым препятствием для нечистой силы, ей противостоят окно и печная труба, которые служат *входом/выходом* для существ сверхъестественного мира. «*Заступи чёрту дверь, а он в окно*» [Там же].

Регламентирующую функцию двери дублируют связанные с ней элементы – замок и порог, которые также заключают в себе сакральный смысл.

В триедином граничном комплексе – «замок, дверь, порог» – наибольшим сакральным статусом обладает порог как концентрированное выражение границы домашнего пространства. Порог – символическая граница между домом и внешним миром, непроходимое препятствие для нечистой силы. Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище. В соответствии с такими представлениями кое-где на Украине до XIX в. сохранялся обычай закапывать у порога умерших некрещеных младенцев, чтобы каждый, кто переступает порог, «крестил» их [15, с. 319]. С порогом связано множество суеверий, которые основаны на мистической функции разграничения миров. «*В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут*» [5].

В. И. Даль так описывает русские житейские правила, связанные с порогом: «Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог. Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут... на пороге не стоят. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать – будет ссора» [Там же].

Многие из этих запретов сохраняются и в современной жизни, что отмечает в своей книге Иван Панкеев. «Нельзя парню на пороге сидеть – никто за него замуж не пойдет» [16, с. 23]. «Здороваться и прощаться на пороге – к ссоре» [Там же, с. 55].

Подметая в доме, мусор надо мести не к порогу, а от порога, чтобы не вымести из дома богатство, благополучие, удачу, поскольку мусор олицетворяет собой свое, родное, хорошее [Там же, с. 46].

Помимо порога, двери и окна, манифестирующих входы-выходы из «своего» пространства в чужое, в сакральной топографии дома важное место занимают углы и печь. Особо почитаемым местом в доме является красный угол, а также расположенная от него по диагонали печь. Но части дома, которые претендуют на роль его сакрального центра, в топографическом отношении занимают периферийное положение, что соответствует традиционным русским представлениям о сакральной топографии мира, расположенности сакрального центра на периферии освоенного пространства.

В народных верованиях, языке и фольклоре угол символизирует весь дом, при этом «свой угол» последовательно противопоставляется «чужому», соотносимо со смертью, горем, запустением, бедностью [15, с. 379]. Даль так иллюстрирует значимость своего угла для русского человека: «*Свой уголок всего краше. Свой уголок – свой простор. Свой уголок – хоть боком пролезть, а всё лучше. Глупый ищет место, а умного и в углу знать*», а также о красном угле: «*В передний угол посоха не ставят. Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают. Передний угол, или матица, трещит к худу*» [5].

Особым объектом в доме, символизирующим сакральный центр дома и в то же время представляющим границу между «этим» миром и «тем», является печь. Б. А. Успенский отмечает, что к печи у русских людей особое отношение, по ряду признаков напоминающее отношение к иконам. Он приводит в качестве примера слова Афанасьева о том, что «очаг требует от людей целомудрия; соединение полов должно быть скрыто от него: дело, физически или нравственно не чистое, наносит ему оскорбление» [17, с. 185].

При печи нельзя выругаться – «*Сказав бы, да печь у хати!*», подобно тому как нельзя браниться при иконах Б. А. Успенский отмечает функциональное и идеологическое сходство некоторых фразеологизмов, регламентирующих поведение человека при наличии поблизости печи или иконы. «Выражение «для твоей речи не выносить печи», которым останавливают нескромного рассказчика, находит соответствие в выражении «Хоть святых вон выноси», которое имеет в виду ругань или какое-либо бесчинство в присутствии икон» [Там же, с. 185]. Святость печи подтверждается и тем фактом, что по старообрядческому обычаю иконы держали за печью или рядом с печью, что её упоминают в клятвах как гарант истинности слов. В. И. Даль приводит такое выражение: «*Коли вру, так дай Бог хоть печкой подавиться!*» [5].

В Словаре В. И. Даля печи посвящена большая статья в соответствии с тем местом, которое занимает печь в системе традиционных национальных ценностей. Отмечая символическую роль печи во внутреннем пространстве дома, следует подчеркнуть следующие её особенности, отраженные в фольклоре: совмещение черт центра и границы; воплощение идеи дома в аспекте его полноты и благополучия; осуществление контактной функции между «этим» и «тем» светом; олицетворение рождающего женского лона; манифестация идеи загробного мира, самого царства

смерти; реализация функции оберега дома. Разные символические значения печи актуализировались в зависимости от обрядового контекста.

В Словаре Даля печь ассоциируется с матерью («Печь нам мать родная»), с красным летом («На печи всё лето красное»), доброй речью («Сиж у печи да слушаю людские речи. Добрая-то речь, что в избе есть печь»), со счастьем («Счастье придёт и на печи найдёт»), с началом, объединяющем род («У них и печки, и лавочки, все вместе (дружны)»), с моральным долгом по отношению к старшим («Корми деда на печи, и сам будешь там»). Также слово «печь» обозначает и количество припасов, идущих за один раз в печь: печь хлеба, печь кирпича, две печи горшков [Там же].

Таким образом, дом – это не просто жилище человека, в традиционном русском сознании дом – это закодированная система сакральных границ и центров, воплощающая в себе представления о мире и организующая часть этого мира – домашнее пространство – в соответствии с потребностями человека в безопасном и надёжном жилище. Современный русский дом сохранил в большой степени те же функциональные части, которые были у традиционного жилища, следовательно, имеет те же границы, которые почитались нашими предками как сакральные и выполняли именно сакральные функции.

Современные экспериментальные исследования языкового сознания, материалы Ассоциативного тезауруса современного русского языка в так называемых обратных словарях показывают, что «дом» является вторым по важности понятием (после «человек») для образа мира современных русских [13, с. 146]. Данные экспериментальных и лингвистических исследований подтверждают устойчивость основных значений понятий «добро» и «дом» и их доминантное положение в структуре русского языкового сознания от эпохи Даля до наших дней.

Литература

1. **Лантух Н. А.** Фрагмент русской языковой картины мира «дом» в Словаре В. И. Даля / Н. А. Лантух // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования : сб. науч. работ. – Киев : Киев, ун-т, 2002. – С. 336 – 341.
2. **Лантух Н. А.** Добро как этнокультурная доминанта русской цивилизации / Н. А. Лантух // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – СПб., 2003. – С. 243 – 250.
3. **Платонов О. А.** Русская цивилизация / О. А. Платонов. – М. : Роман-газета, 1995.
4. **Кондаков И. В.** Культура России / И. В. Кондаков. – Ч. 1 : Русская культура: краткий очерк и теории. – М. : Книжный дом «Университет», 2000. – 360 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978.
6. **Лихачёв Д. С.** Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачёв. – Симферополь : Таврия, 1990. – 134, [2] с.
7. **Культурология** / под ред. проф. Г. Драча. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1995. – 576 с.
8. **Русские** пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
9. **Розанов В. В.** Опавшие листья: лирико-философские записки / В. В. Розанов. – М. : Современник, 1992. – 542 с.
10. **Степанов Ю. С.** Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
11. **Из истории** мировой гуманистической мысли / под ред. А. Ф. Малышевского. – М. : Просвещение, 1995. – 431 с.
12. **Уфимцева Н. В.** Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. – Изд. 2-е. – М., 2000. – С. 135 – 170.
13. **Уфимцева Н. В.** Русские: опыт ещё одного самопознания /

Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2000. – С. 139 – 162. **14. Цивьян Т. В.** Дом в фольклорной модели мира (На материале балканских загадок) / Т. В. Цивьян // Семиотика культуры : труды по знаковым системам. Вып. X. – Тарту, 1978. – С. 65 – 85. **15. Славянская** мифология: энцикл. словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с. **16. Панкеев И. А.** Тайны русских суеверий / И. А. Панкеев. – М. : Яуза, 1997. – 199 с. **17. Успенский Б. А.** Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.

У статті розглянуто концепта *добро* і *дім* у Словнику Володимира Даля та в російській мовній свідомості, проаналізовано їхній взаємозв'язок і домінуюче положення в російському ментальному просторі, у системі російських цінностей.

Ключові слова: концепт, домінує, мовна свідомість, ментальний простір, ієрархія цінностей.

В статье рассматриваются концепты *добро* и *дом* в Словаре Владимира Даля и в русском языковом сознании, анализируются их взаимосвязь и доминантное положение в русском ментальном пространстве, в системе русских ценностей.

Ключевые слова: концепт, доминанта, языковое сознание, ментальное пространство, иерархия ценностей.

The author considers the concepts of *good* and *home* in Vladimir Dal Dictionary and the Russian linguistic consciousness and presents an analysis of their correlation and dominant position in the Russian mental space and value system.

Keywords: concept, dominant, linguistic consciousness, mental space, value hierarchy.

Стаття надійшла до редакції 05.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – к.філол.н., доц. Унукович В. В.

УДК 82-14

І. О. Ніколаєнко

АВТОРСЬКІ НЕОЛОГІЗМИ В ПОЕЗІЯХ ВАСИЛЯ СТАРУНА

Наше сьогодні має дивовижну здатність перегукуватися з найдавнішими часами. Інколи навіть здається, що настала пора Відродження давньогрецького феномена, звичайно, у наймодернішій транскрипції. Особливо, читаючи таких поетів, як В. Голобородько, В. Герасим'юк, І. Малкович, І. Римарук, В. Осадчий, Ю. Андрухович, В. Старун, О. Гордон.

Цікаві думки мав Платон, який уважав, що філософ наближається до поета Саме це можна сказати про названих поетів, які розкривають невичерпну глибину, яку ми, сучасники, не спроможні збагнути одразу. Чи мусить поезія бути простою, як табличка множення? Чи має вона бути схожою на довідник, у якому все розкладено й класифіковано? Поет з Луганщини Василь Старун – член Національної спілки письменників України та Асоціації українських письменників – намагається відповісти